

Письма Ивана Александровича Хлестакова изъ Нарвы.

Артисты, артисты, артисты...

Письмо первое.

Душа Тряпичкинъ! Послѣ моей прощальки съ городничимъ Сквозникъ-Дмухановскимъ скитался я, братъ, по разнымъ городамъ и весямъ, пока не угораздило меня попасть въ Нарву. Живу здѣсь нѣсколько лѣтъ, а все еще привыкнуть не могу. Городышко — скверный. Народъ тоже... тоже очень хорошей народъ. Пробовалъ я тутъ занимать деньги, говорю: „Въ дорогѣ поиздержался“. Куда тебѣ! Никто не даетъ. Каждый морочить еще занятъ у меня самъ. Повѣришь, Тряпичкинъ, даже на квартиру приходятъ.

— Одолжите, Иванъ Александровичъ, до завтра тысячемарковую ассигнацію. Мнѣ, говорить, на желѣзную дорогу.

— А какъ же Вы, любезнѣйшій, вернете, если уѣдете?

— Помилуйте, Иванъ Александровичъ, желѣзная дорога тутъ у насъ дома. Это — игра-сь такая.

Повѣришь ли, Тряпичкинъ, даже уличные мальчишки проходу не даютъ!

— Дай, дяденька, двѣнадцать марокъ, одинъ просилъ у меня, на кино не хватаетъ.

Говорю: — У меня мелкихъ нѣтъ.

— А мы, дяденька, сдачи дадимъ!

Подумай, какова мудрость этихъ мальчишекъ, иобрази, какова должна быть мудрость ихъ достопочтенныхъ родителей, если съ годами житейская мудрость совершенствуется. Вотъ и поживи съ такимъ народомъ! Но я не унываю — веселюсь и жуиру вовсю. Съ хорошенькими артистами знакомъ.

Артистовъ часто вижу. Съ Чарскимъ на дружеской ногѣ. Бывало, говорю ему:

— Ну что, братъ Чарскій?

— Да такъ, братъ, отвѣчаетъ бывало, такъ какъ-то все...

Большой оригиналъ! Былъ я какъ-то въ театрѣ. Представляли „Фауста“. Въ афишѣ прочиталъ, что музыка поэта Гете, либретто — композитора Гуно, а балетъ отъ себя. Послѣднее хоть и не было въ афишѣ, но я догадался самъ. Оригинальное представленье было, душа моя! Я никогда въ жизни не видалъ ничего подобного и никогда такъ не смѣялся. Представилъ себя! Кто хотѣлъ — пѣлъ, кто не хотѣлъ или не могъ пѣть — потанцовывалъ, а иные изъ артистовъ и разговаривали. А нѣкій, одѣтый въ бѣлую скатерть духъ, выльзавшій въ окно, даже споткнулся и чуть-чуть не подбилъ себѣ носа подобно Бобчинскому.

Отъ смѣха у меня такъ разстроился желудокъ, что я принужденъ былъ со второго дѣйствія уѣхать домой. А жаль было, ибо предполагаю, что дальше пошло еще интереснѣе.

Былъ въ кинематографѣ „Иллюзія“. Почему „Иллюзія“ — неизвѣстно. Никакой иллюзіи не было, а очень дымилъ чугуная печка, и семнадцать разъ рвалась лента. Въ заключеніе мы вмѣстѣ съ хозяиномъ заведения чуть-чуть не попали въ полицію за то, что билеты не были оплачены городскимъ сборомъ.

Огорчился и отправился развлечь себя въ другое мѣсто. Прочиталъ на афишѣ, что будутъ представлени полная оперетка „Елена Прекрасная“ въ одномъ дѣйствіи и водевиль собственнаго сочиненія содержателя театральнаго буфета съ пѣніемъ, танцами, хожденіемъ по канату и провалами поди названіемъ: „Какъ изъ уличной дѣвицы я попала вдругъ въ пѣвицы“.

Для недовѣрчивой публики было еще добавлено, что все вышеуказанное продолжаютъ артисты петроградскихъ театровъ и Музыкальной Драмы. Кроме того, на экранѣ будетъ представлена большая мистическая драма въ 8 частяхъ изъ великосвѣтской жизни папуасты жодъ названіемъ „Загробный поцѣлуй или подтяжки мертвеца“.

Я нѣкоторое время колебался, пойти или нѣтъ, но когда прочиталъ приписку на афишѣ, гласившую, что „дирекція, не жалѣя здоровья артистовъ петроградскихъ театровъ и Музыкальной Драмы и колоссальныхъ затратъ, не повышаетъ входной платы“, я принялъ твердое рѣшеніе и очутился передъ театальной офертой.

Выходить на сцену молодой человекъ недурной наружности, въ партикулярномъ платьѣ и въ пенснэ. На груди у него — двѣ огромныхъ запонки отъ манжетъ величавою съ мѣднымъ пятакомъ, а брюки такой ширины, что въ нихъ можетъ помѣститься еще одинъ человекъ. Одна пуговка на брюкахъ разстегнута. Въ публикѣ прошелъ одобрителный шопотъ. Нѣкоторые даже стали аплодировать.

Я, естественно, справился у сосѣда: — Какой это артистъ, петроградскихъ театровъ или Музыкальной Драмы?

— Музыкальной Драмы, говоритъ.

Секую и смотрю. Вдругъ лицо артиста перекосило словно отъ страха. Онъ вынулъ глаза и давай кричать. Держитъ для чего-то въ рукахъ ноты, но не сморить въ нихъ, а, знай, оретъ на удачу.

Повѣраешь, Тряпичкинъ, душа моя, мнѣ за него страшно сдѣлалось! Ну, думаю, сейчасъ сорвется, и вотъ, удивительно, не прошло и секунды — сорвался. Теперь уйдетъ, подумалъ я, а публика чего-то давай въ ладоши бить и кричать bis, ну, онъ и остался. Второй разъ сталъ кричать пуще прежняго, но, естественно, въ концѣ концовъ, усталъ и ушелъ самъ, слава Богу!

Послѣ него появилась пѣвица. Дама уже на возрастѣ, а имя у нея какое-то младенческое. Зовутъ ее не то Матреша Задунайская, не то Феклуша Валдайская, но это — неважно, а важно то, душа моя, что поетъ здорово громко, но невѣрно. Споетъ, понимаешь, одну ноту правильно, а двѣ сфальшивитъ. Зато и плечами, и руками, и ногами такія штуки выдѣлываетъ, что бѣда. И бедрами, и спиной, и тѣмъ, что пониже спиной, такъ вертитъ, что я даже подумалъ: и талантами ей пѣть, когда обладаютъ такими талантами. Но, видно, всякому хочется слыть артистомъ. Тутъ, братъ, всѣ жители заражены желаніемъ быть артистами.

На подмостки полѣзли ноголовно всѣ. Начиная съ младенцевъ и кончая старцами. Всѣ что-нибудь да показываютъ: кто танцуетъ, кто поетъ, кто играетъ, кто просто рассказываетъ анекдоты, отъ которыхъ смѣется только самъ рассказчикъ, такъ какъ смѣяться и слушать стало некому: всѣ зрители сдѣлались артистами.

Гимназисты играютъ, гимназистки танцуютъ, разные союзы молодежи играютъ, танцуютъ и устраиваютъ спектакли. Студенты пошли въ артисты, работницы съ фабрикъ — въ артистки, эмигранты — въ артисты, всѣ и вся пошли въ артисты. Всѣ словно заразилась. Очаги заразы — на каждомъ углу. Тутъ тебѣ очагъ пожарныхъ, тамъ тебѣ очагъ охотниковъ, тамъ еще и еще и такъ весь городъ. Кругомъ только одни артисты.

Артисты, артисты, артисты. Двадцать пять тысячъ однихъ артистовъ...

Нарва. 24 IV 1922.